

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЗАКОНЫ БЕЗУМИЯ ОДНА ЛЮБОВЬ

МАРИЯ ВЫСОЦКАЯ

Мария Высоцкая
Законы безумия
– 3. Одна любовь
Серия «Законы безумия», книга 5

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67368072
SelfPub; 2022*

Аннотация

Богдан чемпион мира. Он осуществил свою мечту, но остался без сердца. Уходя, Герда забрала его с собой. Она замужем, счастлива и даже родила ребёнка. Но всё ли так радужно, как выглядит, на первый взгляд? Возможно, семейная идиллия всего лишь картинка, а её жизнь уже давно похожа на ад? Он встречается её случайно. В клинике, спустя четыре года после расставания. Она больна и нуждается в помощи. Что он выберет? Сможет ли простить предательство?

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	42
Глава 5	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Мария Высоцкая

Законы безумия

– 3. Одна любовь

Глава 1

3 года спустя.

Герда.

Никогда не боялась ходить по тёмным улицам одна, а зря. Возможно, будь я осторожней и предусмотрительнее, ничего бы не случилось. Тот вечер стал моим кошмаром.

– Герда, привет!

Знакомый голос, как и лицо мужчины. Он выходит из подворотни, руки убранные в карманы.

– Привет. Неожиданно...

– Да вот решил узнать, как твои дела. Ты подумала над моим предложением?

– Да. Я тебе сразу на него ответила. Нет.

Когда я улетала из Москвы в тот раз, после дня рождения отца, Назаров припёрся почти что к трапу. Пел оды о какой-то любви, а когда получил отказ, назвал су*ой. Люди не меняются, хоть нам иногда хочется в это верить. Каким милым он был на празднике, таким же обиженным казался там,

у трапа. Я решила для себя, что теперь-то уже точно всё... как окажется через несколько минут... ошиблась. Жёстко, и эта ошибка будет стоить мне слишком дорого.

Я недооценила врага. Наплевала на осторожность. Возомнила себя королевой... как и всегда, Гера, как и всегда...

– Герда, может, стоит подумать? Ну что тебе даст этот калека. Ты достойна лучшего, – его шаги напоминают охотничью походку пумы. Он осторожен и коварен одновременно.

В горле встаёт вязкая сухость. Мурашки уже окутали каждый сантиметр тела, но я всё ещё воюю.

– Тебя, что ли? – с дерзкой усмешкой.

– Меня.

Он говорит это не дрогнув. Словно уже что-то решил. Что-то, о чём я даже не догадываюсь. Поэтому парирую в лёгкой, немного грубой манере:

– Самоуверенности у тебя через край, Назаров. Смотри не лопни от такого самомнения.

– Герда, – пауза, глаза в глаза, – я всегда получаю то, что хочу.

Подходит ближе, а у меня внутри какое-то странное предчувствие... отступаю назад.

– Твой отец очень хотел, чтобы мы стали семьёй, но он слишком слаб. Слишком быстро поджал хвост под напором моего папашки. Но его теперь нет. Мой дорогой папочка остаток жизни проведёт в больничной палате на таблетках. Чёртов алкаш. Но я есть. Я остался, и я хочу забрать мне

обещанное.

– Что за чушь ты несёшь? Прости, мне нужно идти, меня ждут.

Делаю шаг.

– Подождут, – ухмыляется, пересекая расстояние между нами. Теперь он стоит в нескольких сантиметрах. – Подождут, – проводит пальцем по моей щеке, и я дёргаюсь словно от боли.

Мне омерзительны его прикосновения.

– Пойдём прокатимся, – с силой сдавливает мой локоть.

– Я не хочу, отпусти меня, – повышаю голос, начиная вырываться.

Гриша замирает, а потом как-то траурно вздыхает.

– Ну я же хотел по-хорошему, правда, – усмешка, а после хлёсткая пощечина, – заткнись, – цепкий захват окутывает моё горло, – я же правда хотел без боли, – сжимает мою грудь.

Пытаюсь отстраниться, но он не отпускает. Если я сейчас закричу, кто-нибудь меня услышит? Или мой крик только усугубит ситуацию? Мне страшно. До ужаса. Я не знаю, что делать. Я ещё не верю, что это правда. Что это происходит со мной.

– Ты будешь моей, слышишь? – шёпотом на ухо. – Как я и хотел. С самой первой встречи.

– Отпусти, пожалуйста, давай поговорим спокойно.

– Я хотел, но ты, маленькая су*ка, решила, что имеешь

право мне перечить, – ещё один удар по лицу.

Сдавливает моё горло, толкая к стоящему в трехстах метрах майбаху.

Я пролетаю совсем немного и падаю на колени, раздирая те в кровь. Пакеты рвутся, и содержимое с шумом летит на землю. Пытаюсь подняться, но он не даёт. Хватает за волосы и заталкивает в машину.

А дальше начинается ад. Он тр*хает меня, как кусок мяса. Бьёт по лицу, дёргает за волосы. На какие-то доли секунды мне кажется, что он просто убьёт меня и выкинет в канаву. Но нет.

Всё заканчивается, и он с довольной мордой выплёскивает свою сперму мне на лицо, прикуривает сигарету. Смотрит уже иначе. Будто жалеет? Но это не так. У него больные глаза. Глаза психически нездорового человека.

Вытираю лицо рукавом и ничего не чувствую. Как я теперь пойду домой? Как посмотрю в глаза Богдана? Я грязная. Грязная.

– Зачем? Зачем ты это сделал, Гриша?

– Теперь ты моя. Только моя.

Закрываю глаза и хочу, чтобы это было сном. Но нет, это реальность. Моя паршивая реальность.

– Теперь ты моя. Сейчас ты пойдёшь к своему инвалиду и скажешь, что между вами всё кончено, и только попробуй сделать иначе. Ведь если калека свалится с лестницы и разобьётся насмерть, никто не подумает, что ему помогли, верно?

Триумфально приподымает бровь, выдыхая дым мне в лицо...

Кашель скручивает внутренности, вырываясь из утробы, словно монстр. Я кашляю, а потом меня выворачивает. Выворачивает прямо на него.

– Су*а, больная су*а, – выкидывает меня из машины, продолжая материться, – завтра за тобой приедут. В шесть утра. И я очень надеюсь, что ты примешь правильное решение. Иначе я избавлюсь от каждого, кто тебе дорог. Начну с калеки, он упадёт случайно. Не завтра и не через неделю. Ты, возможно, ему даже всё расскажешь, и вы будете ждать этот момент. Ловить меня. Подключите своего Доронина... но не спасётесь. Пока вы будете меня искать, твой отец разорится. Почти восемьдесят процентов его активов уже принадлежат мне. Твоя сумасшедшая мамаша случайно повесится в палате. Санитар случайно оставит там ремень. Твой младший братик окажется в приюте, а милую мачеху отымеет целая орава мужиков в борделе. Ты можешь принять любое решение, можешь рискнуть... и, возможно, потерять не всех. Может, до кого-то я не смогу добраться. Но потери будут. А можешь просто прийти ко мне сама.

Хватает меня за волосы, наматывая их на кулак.

– А ведь всё могло бы быть иначе, не будь ты такой дурой.

Он уезжает, а я ещё целую вечность валяюсь на холодном асфальте. Грязная, в его сперме. Она воняет так, что меня тошнит снова. Одежда порвана, я выгляжу как портовая

шлюха и совершенно не знаю, что делать. Я не могу прийти так домой. А мне нужно. Нужно увидеть его в последний раз.

... вырываюсь из воспоминаний, крепче стискивая нож в ладони. Где-то в глубине квартиры шумит телевизор, слышится голос отца, а я стою и не могу пошевелиться.

– Ты готова?

Вздрагиваю.

– Ещё пару минут, пару минут, Гриш.

– Хорошо. Давай помогу?

Он аккуратно застёгивает на моей шее кольцо и целует в плечо. Мои губы дрожат, но я улыбаюсь.

Роняю взгляд на своё кольцо, и меня переполняет ненависть. Я утонула в ярости и собственной никчёмности. А они улыбаются. Приходят на праздники, дарят подарки и улыбаются.

С днём рождения Герда, с днём рождения!

Даша заходит в спальню, подбадривающе улыбается, сжимая мою руку. Только она знает правду. Только она... в ту ночь я позвонила ей. Потому что больше было просто некому. Она помогла мне привести себя в порядок в какой-то гостинице неподалёку, а потом отвезла домой. Та ночь стала самым жутким кошмаром моей жизни, хотя так я думаю сейчас. Сейчас...

– С днём рождения!

– Спасибо, – пытаюсь улыбнуться, но слёзы уже так близко.

– Не плачь, девочка моя, всё будет хорошо, всё будет хорошо, – гладит мою спину, а меня трясёт. Истерика близко. – Герда, будет только хуже, не зли его.

Киваю, собираясь с духом. Сердце вновь леденеет, и я, как и прежде, ничего не чувствую. Не чувствую, а в воспоминаниях так и стоят его глаза. Глаза, полные боли и ненависти. Наверное, если бы меня ничем не опоили на собственной свадьбе, я бы убежала сама. Я бы сорвалась и всё ему рассказала. Ушла бы с ним, подвергая всех огромнейшей опасности.

И это совсем не выдумка. Мой муж – больной ублюдок. Он полнейший псих. Его неуравновешенность и жестокость не знают границ. Он играет. Я для него идеальная игрушка. Идеальная жертва его больной головы.

Когда его нет, я пытаюсь чувствовать себя живой. Правда пытаюсь, и, наверное, здесь заслуга лишь одного человека. Теи. Я не хотела детей. Пила таблетки, даже хотела сделать укол. Я не желала от него ребёнка. Только не от него. Но для его идеальной семьи не хватало доченьки. Он так и сказал. Ему нужна дочь. Только дочь. Он не примет сына.

Тогда я ещё не до конца понимала, что происходит. После Гриша мне всё наглядно показал. Очень наглядно. Мы на неделю уехали за город, где он творил просто невообразимые вещи. Я сама почувствовала себя вещью. Куском мяса. Хотелось убится. Просто закончить это всё.

Но он хитрее. Всегда хитрее. Охрана, камеры, никаких

опасных предметов. Я живу почти в ватной комнате, с поролоновыми стенами. Всё идеально. Для него идеально.

Самой большой ошибкой стал тест, который я не успела выкинуть за пределы квартиры. Чего-чего, но что прислуга проверяет мой мусор, я бы не подумала никогда.

Девять месяцев иллюзии нормальной жизни. Девять месяцев без этих сумасшествий. И слава Богу, что УЗИ показало девочку, если бы это был мальчик, он убил бы его в утробе. Впрочем, тогда я была бы не против.

Это теперь я готова разорвать любого за свою дочь. Мне плевать, кто её отец. Она моя. Только моя. Конечно, мне хочется так думать. А ещё мне хочется думать, что это ребёнок Шелеста и он просто уехал. Да. Уехал на очередные соревнования. Но это ложь. Это моя больная фантазия, моя защитная реакция.

Я ничего не забыла. И никогда не забуду. Я помню всё. Его голос, глаза, запах, прикосновения. Иногда смотрю его инстаграм, и как дура радуюсь тому, чего он добился. Это уже не обычный мальчик с амбициями и стремлениями. Это любимец публики, начинающая и перспективная спортивная звезда.

Даже смешно, но, возможно, чтобы чего-то достичь, ему было необходимо лишь одно – избавиться от меня? Иногда я полностью уверена в том, что моё присутствие тянуло его назад. Я всегда подрезала ему крылья. Меняла ориентиры. А на деле, как только не стало меня, он быстрее чем со ско-

ростью света стал тем, кем давно желал.

Я смотрю на его фотки, а в сознании диким эхом раздаётся наш последний телефонный разговор. Он сменяется его полными ненависти и боли глазами. Не знаю, чем меня накачали, но я почти не помню свою свадьбу. Совсем. И, наверное, это даже к лучшему.

Оборачиваюсь в сторону гостиной и, сверкнув безжизненным взглядом, иду туда.

– Доченька, с днём рождения! – папа с довольной улыбкой вручает мне букет цветов.

– Спасибо. Думаю, пора в ресторан, там уже ждут, – заключаю и, положив букет на диван, замираю на месте.

По болтающему телевизору очередная реклама. Но эта... эта вызывает в моей душе бурю. Бой за пояс чемпиона. Лас-Вегас. Шелест. Его фото в половину экрана, как и его соперника. Цифры... даты... а у меня ступор. Дашка толкает в бок, и я невольно ловлю Гришин взгляд. Он обещает мне очередное испытание.

– Герда, нужно посмотреть, как там Тея, идём, – протягивает руку.

С подрагивающей усмешкой следую за ним. Мы проходим в детскую. Тея мирно посапывает в своей кроватке. Ей всего год. Но мне кажется, что она была со мной всегда.

– До сих пор течёшь по своему калеке? – Гриша стоит позади, он с силой сжимает мои плечи.

Выдыхаю с шумом. Поджимаю губы, а после, широко

улыбнувшись, поворачиваюсь к нему. Медленно, но отрицательно качаю головой.

– Тебе кажется. Гриша, ты вспоминаешь о нём гораздо чаще, чем кто-либо...

– А ты? Я видел твои глаза... видел, – злобно.

– Ты видишь то, что хочешь сам. Но это не так. Нас ждут, пойдём.

Назаров убирает руку в карман брюк, прищуривается, но больше ничего не говорит. Идёт за мной следом.

Я знаю, что это ещё не всё. Знаю. Он просто усыпляет мою бдительность. Этот ролик он спокойно припомнит мне через пару месяцев, когда я совсем забуду о нём..

В ресторане играет живая музыка, меня осыпают поздравлениями и лживыми улыбками. Я делаю то же самое. Это всего лишь очередной обмен «любезностями».

– Ты как?

– Нормально, Даш, сейчас ещё пару бокалов, и будет совсем замечательно.

– У тебя же ребёнок.

– Я слышу осуждение в твоём голосе? – приподымаю бровь, а сама не стираю с лица лживой улыбки.

– Нет... просто.

– Вот на этом и закончим. Всё совсем не просто, Дашуль, совсем, – касаюсь её плеча и иду в туалет.

Миную первый этаж и выхожу на балкон. Холодно. Плечи моментально покрываются мурашками. Моё платье со-

всем ничего не скрывает. Его словно и нет. Подхожу к перилам, упираясь в гранитную поверхность ладонями. Смотрю на мерзкую погоду и чувствую дующий в лицо ветер. Он холодный. Продувающий насквозь.

Обнимаю себя руками, и так хочется вернуться в прошлое. Так хочется побыть там хотя бы пару минут. Хотя бы пару минут побыть счастливой. Побыть человеком, а не бесправной вещью.

Я много раз думала о том, а если бы...

Если бы я всё рассказала. Если бы обратилась за помощью... но снова и снова сталкиваюсь с одним и тем же ответом. Я бы пожертвовала всем и всеми ради себя. Ради своего эго и благополучия я могла искалечить множество жизней. Разве это цена счастья? Разве она? Нет.

Я не хороший человек. Вовсе нет. Но я верю, что поступила правильно. Так, как могла, как умела. У меня не было выбора. Либо согласиться, либо проверить, блефует ли Гриша. Проверять не хотелось. Слишком дорого. Очень.

– Девушка, может быть, плед?

Официантка смотрит на меня как на больную. Ну да, нужно немного ума, чтобы выйти на мороз в одном платье.

– Спасибо, не стоит, я уже возвращаюсь в зал.

Почти в дверях сталкиваюсь с Гришей. Он явно недоволен. Я чувствую это ментально. Воздух накаляется, а его гнев заставляет сжаться в комочек. Мне не по себе, и я опускаю голову, устремляя взгляд в пол.

– Где ты была?

– Проветривалась. Душно.

– Хорошо, – он ухмыляется и, развернувшись на каблучках, идет в глубь зала к пирамиде из бокалов мартини.

Как только мы возвращаемся домой и дверь в спальню захлопывается, Гриша не церемонясь бьёт по моему лицу наотмашь. Он никогда не заморачивается. Не пытается что-либо скрыть. Я хожу в синяках при отце, а Назаров ехидно говорит, что я слишком неловкая и постоянно падаю. Это похоже на сумасшедший зверинец, где никто не желает протянуть руку помощи.

Но по большей части я стараюсь не выходить из дома и на люди. Жду, когда вся эта красота пройдёт. А потом вновь замазываю синяки тоналкой.

– Соскучилась, любимая? – сжимает моё горло.

Хриплю, из последних сил вставая на носочки. Голова раскалывается. Губу саднит, и я чувствую вкус крови. Он уже стал родным. Сколько я живу в этом аду? Третий год... боже... третий год беспробудного страха, а иногда безразличия.

– Я знаю, – отпускает, прижимая к стене, – что соскучилась, – его руки задирают подол моего платья.

Хочется выть. Но я молчу. За стеной спит ребёнок. Я молча терплю всё это, считая про себя. В прошлый раз я дошла

до трёх тысяч семисот.

Глава 2

Лас Вегас.

Богдан.

Знатная веселуха. Какой-то из клубов Вегаса. Музыка закладывает уши. Крутящиеся неподалёку девки. Охрана. Литры бухла. В сотый раз прокручиваемое на экранах видео моего выноса противника в позавчерашнем бое. Жизнь удалась. Тёмная ночь, освещаемая тысячами неоновых вспышек, огней вечно неспящего города. И ни одной звезды на таком, казалось бы, ярком от салютов небе. Жрущая внутренности боль. И она вовсе не физическая.

Душевная, и от неё не спрячешься за фальшивой улыбкой, заработанными миллионами, славой, уважением. От неё совсем не спрячешься.

Перед глазами все ещё её хрупкая фигура. Она мне снится. Она мучает меня кошмарами, в которых вечно исчезает. И это отвратительно. Мерзко чувствовать себя так даже во снах.

Гул толпы. Очередная порция поздравлений, моя улыбка. Обожание в их глазах...

А ведь совсем недавно всё было по-другому.

Но это уже почти не имеет значения. Есть здесь и сейчас.

Победа. Триумф. То, к чему я шёл столько лет. То, во что вложил всю силу воли.

Откидываюсь на спинку дивана, разводя руки, теперь пара предшествующих дней кажутся обыденностью. Но это сейчас.

А ещё несколько дней назад, в адскую ночь перед взвешиванием, я смотрел на весы и обессиленно сжимал кулаки. Семьдесят три. Еще три килограмма. Три килограмма, от которых мне необходимо избавиться. Чёртов весогон, от которого не уйдёшь.

Все гоняют вес, чтобы втиснуться в заявленную категорию, и я не исключение.

Ни еды. Ни воды. Только изнурительное кардио, сауна, не пропускающая воздух одежда. Тело кажется чужим, как и мозги. Иногда проскальзывают какие-то подоби́я миражей. Думать не хочется. На весах ещё два лишних кило.

Можно пожелать себе лишь удачи. Надеяться в этой ситуации стоит только на неё. На то, чтобы пережить эту ночь и восстановиться за последующие сутки. Это самая адская пытка.

Прижимаюсь затылком к холодной стене после сжигающего все внутренности парева и чувствую головную боль. Хочется пить, но сегодня это слишком большая роскошь. Нужно поспать. Иногда я слышу стук своих костей друг о друга. Весело. Слишком весело.

На кровати выжимаю в рот половину лимона. Кислый и сейчас больше похожий на яд сок стекает по горлу, разрывая

глотку. Начинается озноб. Хочется выплюнуть весь ливер.

До взвешивания чуть больше шести часов, но они покажутся почти неделей.

Сегодня это лишь очередной этап к победе. То, к чему я шёл последние годы. Бой за титул.

Но тогда, когда я был уверен, что восстановился, когда UFC предложил контракт, было лишь марево. Заветная мечта, почти призрачная. И вот ты уже в ней. Но не все так сладко. Организм перемолол мою волю, словно через мясорубку. Хотелось орать, но понимание, что пропал голос и почти сел слух, вводило в состояние шока. Кости ломило, а собранную по частям ногу хотелось вовсе отрезать. Никаких обезболивающих, компрессов – ничего.

Только голые стены и бой с самим собой. Один судья. Я сам.

Меня выворачивало своими же грезами, и, как мне тогда казалось, закалённой силой воли. Наверное, я был готов сдохнуть, лучше сдохнуть, чем вновь про*рать свою мечту. Но у Всевышнего на всё иные планы. Я пережил ту последнюю ночь. Я смог. В очередной раз доказав себе, что могу большее. Могу!

Сегодня хочется вспоминать тот бой с улыбкой. Но, с*ка, явно не в эту минуту. Лимонный сок убивает последнюю жидкость в моем организме. Горло пересыхает. Временами не хватает воздуха, но это самообман. Толчок к тому, чтобы сдаться. Но цена слишком велика.

В голове лишь отголоски прошлых лет. Я помню её глаза. Губы. Злобный взгляд, то, как она запахнула свой пиджак и с воинственной уверенностью посмотрела на Сомова. Она тянула его за руку, а я, как идиот, не мог отвести от неё глаз. Залип. И, наверное, умер именно тогда. В ту минуту, когда погряз в этой девчонке полностью. Ставя превыше всего.

Словно заколдованные, вертящиеся по кругу слова лишь усиливают эффект миража, к которому я, как умирающий к воде, тяну руку.

« – Я Герда, – вливается в меня колюченьким, но таким забавным взглядом, а потом падает рядом, – Шелест, давай поцелуемся, – закидывает на меня свои ноги.

– Не, – задумчиво, – я с алкоголичками не целуюсь, – ржусь над её вытянувшейся мордашкой.

– Вот за это я тебя и люблю, – улыбается».

И я улыбаюсь вместе с ней, чувствуя, как её образ тает, но быстро сменяется другим.

«– Не плачь, я тебя люблю, Умка, я тебя люблю».

«– Я тебя тоже люблю, – сквозь слезы».

«– Я тебе изменила, – холодно.

– Что ты несёшь?»

Сжимаю кулаки.

– Богдан, вставай. Пора ехать. Утро.

Киваю. А воспоминания и её голос исчезают. Освобождает.

ют. Мнимо.

Вся показуха взвешивания проплывает мимо меня. Ни хрена не запоминаю. Не чувствую ничего, хочется только пить и жрать. Улыбаться, хотя бы в камеру, не реально. Но и здесь приходится выдавливать это подобие улыбки.

Кидаю футболку в зал, заводя толпу, и встаю на весы. Заветная цифра была достигнута этой ночью. Теперь главное – восстановиться.

По дороге в центр звонит мама. Она всегда так делает после взвешиваний. Особенно с тех пор, как их можно отсмотреть в инете.

– Привет! Ты как?

– Привет. Скорее жив, чем мёртв.

– Я... это просто кошмар, у меня слёзы на глазах от того, что ты с собой...

– Мам, перестань. Ладно?! Ну или хотя бы не сегодня. Ты когда прилетаешь?

– Завтра с утра.

– Окс звонила?

– Да, она всё подробно рассказала. Меня встретят, привезут в отель и перед самым боем заберут.

– Хорошо. До завтра.

Поворачиваю голову чуть в сторону.

– Богдан, сейчас обед, потом небольшой отдых. Я сам к тебе зайду.

Киваю тренеру и захожу в номер.

Доронин. Эта мелкая сволочь припёрлась в мой номер.

– Данилка, тебя не учили, что чужое брать нельзя? Шингарды положи, нечисть.

– Не нуди. Красава! Дрищ дрищом.

– Завались.

– Слушай, одолжи денег, а?

– Из дома выгнали?

– Да батя карту заблокировал, жду, когда отойдёт, а баблишко заканчивается. Зато, – поднимает указательный палец с деловым видом, – на будущее уяснил, снимать как можно больше налика. Чтоб не побираться.

– Обойдёшься.

– Злой ты, Шелест.

– Свали уже отсюда, мальчик-зайчик. И барахло своё не забудь.

– Ну ключи хотя бы дай, от виллы.

– Это к Окс.

– Слушай, а ты её тр*хал? Как она? Красивая такая девочка.

– Губу закатай, а то папеньке позвоню, он тебя быстро в Москву определит, а может, ещё куда.

В дверь стучат, а после заносят еду.

– Слушай, ты ж завтра его того... а то я на тебя столько бабла поставил, обидно будет.

– Зная этот факт, даже если я про*ру, сильно не расстроюсь.

– Пф.

Доронин дуется и сваливает на балкон. От него слишком быстро устаешь. Когда эта папочкина писюха въ*балась в мою тачку и искалечила ногу, ей было всего шестнадцать лет. За три года мозгов не прибавилось ни на грамм, зато вот моих от его присутствия, кажется, только убавляется.

Данилка – сволочь по натуре, но какая-то особенная, преданная и прилипающая как банный лист. Он ко мне как приклеился с ночи Гериной свадьбы, так и не отстает до сих пор. Тогда, когда он завалился ко мне в квартиру после того, что я видел в Гольштейновском особняке, я, конечно, задал ему трепку, во мне литры алкоголя и неуправляемая злость. Он после этого три недели в больничке отдыхал. Я, когда в себя пришел, думал, всё – аут. Его папаша меня отвендетит. А ни *ера подобного, Николаевич только довольненько поулыбался. Он Данилкину дружбу со мной лично одобрил, он одобрил, а отдувайся я.

Поначалу, я думал, прибью его по-тихому где-нибудь. Слишком много пафоса. И тормозов нет, от слова совсем. Лезет везде, куда не просят, словно ему позволено. Хотя, если смотреть на всё шире, ему действительно позволено. Пол его жизни – сплошной косяк, а вокруг целая команда людей, всё это умело развеивающая. Сказка!

Только вот, несмотря на всё, Доронин, наверное, единственный чел, с которым можно оставаться собой. Не прикрываться благородством, выдуманными мотивами. Не

строить из себя праведника. С ним можно творить те вещи, которые хочется в данный момент, и никогда не бояться осуждения, потому что тот, кто кладёт на всё, осуждать не станет.

– Богдан, – хлопает по плечу, стирая свою улыбочку, – удачи. Уработай его в хлам.

Киваю, а Данилка испаряется в коридорах отеля.

....Возвращая мысли в здесь и сейчас, повторно обводя взглядом клуб, хочу улыбнуться и, наверное, сказать: жизнь удалась. Хочу, но, если искренне, это не так. Это суррогат. Видимо, то, чего я хотел на самом деле, заключалось вовсе не в деньгах и славе. Вовсе не в этом...

– Богдан, ты чего такой грустный? Всем весело.

Окс присаживается рядом. Она красивая. Да, определённо не уродина, и в ней, вероятно, есть особое очарование. Но вся особенность этого очарования в том, что разглядеть его может лишь истинно твой человек. Я не тот. И она вовсе не та.

– Это их проблемы.

– Что-то случилось?

– Нет, Окс, всё лучше, чем я мог бы себе представить.

– Знаешь ...

Она подается вперед. Целует. Первая. Чувствую её прикосновения на своей коже, но мне плевать. Это просто прикосновения. Очередные, невзрачные и по факту слишком

быстро забываемые.

Она пьяна и творит глупости, завтра будет жалеть. Но завтра будет другая история.

– Я так за тебя переживала, – шёпотом, смотря мне в глаза, – я рада, что ты победил, – касается руки, – очень рада.

Изображаю подобие улыбки, сейчас я могу её послать. А могу воспользоваться ситуацией. Её смелостью. Она явно долго её набиралась и напилась сегодня исключительно из этих побуждений.

Не debil, вижу, как она на меня смотрит.

Утро бьёт по роже хлеще, чем мой соперник в октагоне. По телу словно проехали катком. Разлепляю глаза, Окса ещё спит.

Иду в душ, а когда возвращаюсь в комнату, вижу её взгляд. В нем плещутся надежды и мечты. Она явно себе что-то придумала. Но мне это не интересно.

– Слушай, у меня сегодня много дел.

– Прости? – хмурится. – Ты так просишь меня уйти?

Киваю.

– Богдан, я думала...

– Это только секс. Ты мой агент. Причём очень хороший, я не хочу тебя потерять из-за этого всего. Ты ждёшь извинений, я извиняюсь. Мне жаль. Всё было неправильным и лишним.

– Да, – улыбается. Фальшиво.

Подбирает с пола платье, прикрывая им грудь.

– Ты невероятно прав. Я пойду.

Она уходит, закрывает за собой дверь и плачет. Я об этом не знаю и не хочу знать.

Мне всё равно. Я её не вынуждал, это только её выбор. Она могла отказаться, но согласилась. Она знала, чем это закончится. Знала, но решила рискнуть. Риск – дело благородное, но оно же побеспокоит тебя сильной отдачей. Больше об этом не вспоминаю. Да и вряд ли вспомню. Мне не жаль. Мне никак. Она по-прежнему на меня работает. И как агент, именно в проф плане, она одна из лучших.

После обеда еду к Ма. Мы договаривались сегодня встретиться. Прогуляться. Она ещё не была в Вегасе. Вообще, это единственное, что меня воодушевляет, её улыбка. Её невероятные глаза и восторг от новых мест.

Я могу показать ей мир, и это уже победа. Значит, всё это не просто так, значит, смысл всё же был.

– Привет, – целую в щёку.

– Привет. Красавец ты мой, – смешок, – смотреть больно.

– Нормально. Может, пообедаем сначала? Ты как?

– За. Полгода тебя не видела, мог бы чаще маму своим присутствием радовать. Мама старенькая...

– Мама максимум на тридцатник выглядит и любит комплименты.

– Комплимент зачтён. Кстати, эта девочка, Окс, твой агент, так мне понравилась. Очень милая.

– Ага, – внутренне хмурю брови.

- У вас с ней роман?
- Эт с чего вывод?
- Она так о тебе говорит, с восхищением.
- Нет. У нас с ней исключительно рабочие отношения.
- Рабочие, значит...
- Именно, поехали уже.
- Мы же обедать собирались.
- По пути поедим.

Окс.

Возвращаюсь в свою квартиру и обессиленно сажусь на диван. Слезы застыли в глазах. Боль укутала сердце. Глупая. Какая же я глупая. Зачем? Зачем я с ним пошла? Я же знала...

Да, я всего лишь на него работаю. Всего лишь...

Меня отравляет эта работа. Это больно – видеть его каждый день и знать, что я просто девочка подай-принеси.

Я отличный, востребованный специалист, я бы могла сменить клиента, могла бы многого добиться и без него, но это сильнее меня. Я не могу. Не могу его не видеть.

Он словно воздух. Чужой воздух.

Говорят, он был влюблён. Там, в России. А ещё говорят, что она предала... я бы никогда не посмела его предать. Никогда.

Глупая. Боже, почему я такая дура?

Как теперь жить? Как собрать себя воедино, не растеряв кусочков? Он разбил вдребезги, уничтожил мою душу, гордость, но мне даже не обидно.

Я его понимаю. Топчу своё я, во славу его, и радуюсь. Как безумная.

Глава 3

Богдан.

Весна. Как там у поэта? Природа торжествует?

Ни х*ра торжественного. Поднимаюсь на шестидесятый этаж башни «Федерация».

Первый, кого слышу и вижу, – Даня.

– Я могу идти, Даниил Александрович?

Она улыбается во все свои беленькие зубки и, получив шлепок по задку от Данечки, сваливает подальше.

– Ща захлебнёшься, – толкаю его локтем.

– Ой, тебе чего не спится? Час утра, а ты на спорт?!

– Дня.

– Да пох*р, я в девять домой только прилетел. Прикинь, тусили на склоне в Швейцарии, а проснулся в Абу-Даби. Ни х*ра не помню. Ты надолго в страну?

– На неделю, может, две. Завтра год, как дед умер.

– Точно. Соболезную.

– Мать никакая. Побуду немного.

– Эт правильно.

– А ты сам здесь откуда?

– А у меня апартаменты тремя этажами ниже.

– И?

– Да так, дело было.

– Темнишь, Доронин.

– Тайна очень мозго*бельная тайна. Потом расскажу, но это если выгорит.

– Ну-ну.

Даня как-то странно на меня смотрит, и я сразу допёр, куда сейчас вильнёт тема. Гера.

– Не видел. Не знаю. Не хочу знать.

– Я даже ничего не сказал.

– А тебе и не надо, на лбу написано.

– А если серьёзно?

– Ей пох*р. Мне тоже. Какие ещё вопросы?

– Никаких. Она ребёнка родила.

– Я в курсе. До тебя ещё Иванушки осведомили. Не на-
прягайся.

– На выходные за город не хочешь смотаться?

– А чё там?

– Новый гольф-клуб, друган открывает, отель, спа-зона,
все дела.

– Забились. Маму Марину надо проветрить. Спа ей не по-
мешает.

– Батя будет рад.

– У меня такое предчувствие...

Даня понимающе кивнул, растягивая губы в улыбке.

– Запал он на неё.

– А ма что?

– Отшивает.

– Самого Доронина отшивает? Ну, мамулька молодец!

– Ты только не лезь туда. Мне уже батя чуть башку не откусил, а я даже ничего не спрашивал.

– Ты-то? С трудом верится.

– Очень смешно.

– Всё. Весело с тобой, но я на дорожку.

– Пойду я, – обвёл зал глазами. – Вот этим вот самоубийством сегодня заниматься не настроен.

– На созвоне.

Десять км на дорожке, бассик, сауна. Выползаю к парковке, где меня подкарауливает недавняя знакомая. Как знакомая... так, матрёшка.

– Привет, Богдан, очень рада тебя видеть.

Как зовут-то её?

– Я Лиза, помнишь?

– Конечно. Садись, прокатимся.

Лиза с улыбкой забирается ко мне в тачку. Она миленькая. С ямками на щеках, блондиночка, волосы волнистые, можно сказать, всё, как я люблю. Хлопает дверью. Лизка – студентка МГИКа, а познакомились мы, оказывается, в каком-то клубе и, походу, даже в этом месяце. Она якобы сейчас случайно проходила. Конечно, вся пресса трёт, что я вернулся в страну с победой и поясом. Случайно она.

Она строит из себя целку, а я делаю вид, что верю ей. Ещё бы. Как же.

– У тебя вроде другая машина была? – глазки горят, бегают по салону, а в голове уже подсчитываются нули.

Можно сказать, это одна из коллекции, но понты не совсем моё.

С*ка. Бабки. Бабки. У всех на уме только бабки. Сколько ей? Восемнадцать? А отыгрывает уже знатно. Как, впрочем, и сосёт.

Это не открытие, а правда жизни, когда ты пересаживаешься с Соляриса на Ровер, покупаешь часы за пару соток и начинаешь мелькать в мажорных клубах, вот такие девочки срываются с цепи.

А когда проводишь бои на миллионы долларов, едешь на ламбе, и часы у тебя за пару лямов... подключаются рыбы покрупнее. Лизке до них ещё далеко. Но она пытается не отставать. Глупая.

– Куда мы поедем? – улыбается, голосок сладкий, но до приторности осточертелый.

– На твой выбор.

Какая разница, где будет эта тупая прелюдия, после которой я тебя трахну?!

– На Якиманке есть один интересный ресторанчик, едем туда.

Едем под её глупую болтовню. Она как пробка, ни единого намёка на извилину. Просто даже интересно, как она во МГИК попала? Хотя... перевожу взгляд на её ноги, облачённые в короткую юбку, и снимаю вопрос.

Мне двадцать семь лет. Я взял пояс чемпиона, моя жизнь бьёт ключом и открывает нереальные для большинства пер-

спективы. Чем я, с*ка, занимаюсь? Езжу по городу с какой-то бестолочью, бл*дью априори, и ни х*ра не чувствую.

Гера, Гера, знала бы ты, кого сделаешь из меня, когда сва-лишь, может быть, осталась. Угораю над собственными мыс-лями.

Идиот. Данила тут недавно заикнулся, что Герин *барь-муж – достаточно крутой чувак. Его поддерживает прямой конкурент Александра Николаевича, и он под его крылыш-ком творит полнейший беспредел.

Неужели счастье в этом? Что оно для тебя? Ребёнок. Ты родила этому отморозку ребёнка. Наверное, в этом ты виде-ла счастье... никаких тебе забот, проблем. Ничего.

Впрочем, тот, кто я есть сейчас, это целиком и полно-стью твоя заслуга. Если бы не твоя бл*дская свадьба, я бы не заставил себя выползти из этой ямы, сделать невозможное, сломать себя и собрать заново. А ты, моя милая, наглядно показала мне, что любовь и всё возвышенное – х*йня. Хо-чешь жить – умей вертеться, хочешь жить хорошо – умей вертеться там, где крутятся большие бабки.

Паркуюсь.

Лизка «нечаянно» роняет на выходе из машины сумочку, показательно наклоняясь за ней, так чтобы я видел её жопу в стрингачах.

Какого я вообще сюда припёрся?

Пока мадам копается с сумкой и своими сиськами, закры-ваю дверь с её стороны и уезжаю отсюда. На х*й это все.

Лизонька в шоке, что-то кричит вслед, размахивая нама-
никюренными ручками с длинными когтями.

Прибавляю рэпчик погромче, и тупо катаюсь по
Москве. Ловлю пробки четыре, но расцениваю их как время
подумать. Но если подумать, мой час стоит слишком дорого,
чтобы простаивать его где-то на улицах города.

После семи звонит Окс, рассказывает о местных реклам-
ных предложениях . Я не могу просто прилететь. Любая
моя вылазка куда бы то ни было – это работа.

Под вечер докатываюсь до Ма. Кидаю машину под окна-
ми. Марина теперь вновь живёт в своей квартире в городе.
Работает в обычной школе. Как умер дед, она не захотела
оставаться в этой элитной школе. В этом я её поддерживаю,
да и обеспечить, чтобы ни в чём не нуждалась, тоже могу.

Поднимаюсь на этаж, звоню. Уже давно не открываю
дверь своим ключом.

– Привет, – Ма в халате, видимо, ложится спать.

– Я поздно? Прости, что не позвонил.

– Да что ты. Заходи, а то прилетел ещё позавчера, а виде-
лись не больше часа.

– Дела.

– Какой деловой. Чай, кофе, может, есть будешь?

– Всё буду.

– Хорошо, пойдём на кухню.

Скидываю кроссовки и тащусь следом.

– Розовые тарелки? – приподымаю бровь.

– Захотелось, – на лице проскальзывает улыбка смущения.

– Ну, если захотелось, почему бы и нет. Как ты?

Мама вздыхает и садится напротив.

– Уже лучше. Но всё равно никак не могу свыкнуться, что его больше нет.

– Да, дед был крутой мужик – мировой.

– Да, папа был всегда такой активный, весёлый.

– Мам, – сжимаю её тонкую руку.

– Всё хорошо, сынок, от этого никуда не деться. Все там будем.

– Это точно. Слушай, – меняю тему, – Даня предложил за город смотаться, поедешь?

– Ну что я там буду делать?

– Спа, все дела. И Александр Николаевич подтянется.

– Богдан!

– Что Богдан? Жили б уже вместе. Как дети, ей-богу!

– Цыц, – смеётся, – всё не так просто, сынок.

– Ой, мам, я пришёл к выводу, что всё очень просто. Берёшь и делаешь. А все эти «непросто» – чисто в голове.

– Может быть. Сам-то как?

– Работаю.

– Я не об этом... Как Окс?

– Работает. Я уже говорил, что у нас чисто рабочие отношения.

– Вот это и печально. Хорошая девушка.

– Нормально.

– Неужели... ты всё ещё?

– Нет.

– Она уже давно замужем, ребёнка родила. Отпусти её...

– Я и не держу.

– Тогда себя отпусти.

– И себя тоже.

Отвечаю, как себе. А смысл врать? Я на Гере был помещен с семнадцати лет, всё, что делал после, – прямое доказательство ей, что я чего-то стою. Всю грёбаную жизнь ей что-то доказываю. Но ей пох*й. Это я тоже прекрасно понимаю, но отпустить не могу. Всех с ней сравниваю и ненавижу её за это. С*ку.

Я уже давно понял, что назад дороги нет, что с ней нам жизни нет, да и её в моей жизни нет и не будет. Понял и живу так, как умею.

Без лишних заморочек и, упаси Боже, великой любви.

– Ладно, не будем об этом, когда, ты там говоришь, в спа?

– В субботу.

– Я подумаю.

– Договорились. Слушай, я останусь у тебя сегодня?

– Что за глупые вопросы?

– Ну я так, не бери в голову.

В комнате мама суетливо застилает постель, что-то поправляет, улыбается.

– Спасибо, – обнимаю её за плечи, целую в щеку.

– Спокойной ночи.

– И тебе.

Мама уходит, а я стою в тёмной комнате и смотрю в окно. Обычный двор. Многоэтажки, в окнах которых горит свет. Четверг.

Чем дальше, тем меньше хочу возвращаться в Москву. Она тяготит. Подтягивает воспоминания о родителях, детдоме, первых неудачах... Гере. Последнее – это скорее приписка, чем абсолютная истина.

Харе. Пора спать.

Кидаю вещи в кресло и без сил ложусь под одеяло. Надеюсь, выплусь.

В субботу, как и договаривались, сваливаем за город. Очень занимательная территория.

Доронин притаскивает с собой очередную шлюху. Вся силиконовая, говорит с придыханием, пытается выглядеть умнее и лучше, чем есть на самом деле. Это бросается в глаза, как и её дорогое, но безвкусное платье.

Это похоже на комедию, но она слишком трагична. Марина осталась в городе, и, смотря на Данилкину пассию, я рад, что она решила отказаться. Зато взяла билеты в Коста-Рику, ей всё же нужен отдых. А лучше смена обстановки.

Расположившись в зоне у бассейна, накатываю себе ещё вискаря, замечая Окс. Позвать её сюда – гениальная

идея Данилки. Идиот.

Она присаживается напротив, протягивая свой бокал с шампанским. Салютует. Киваю, слыша лёгкий звон стекла наших бокалов друг о друга.

– За тебя! – на ломаном русском.

– Неожиданно.

– Всего пара слов, – уже на английском.

– Что там с рекламщиками?

– Завтра подпишем контракт, поэтому много не пей. Ты мне будешь очень нужен.

– Договорились. Ты Доронина не видела?

– Он, кажется, пошёл в ресторан.

– Я на минуточку.

Ухожу, оставляя её одну. Я грёбанный дебил. Какого чёрта я с ней переспал? Совсем крыша слетела. И ведь даже не по пьяни. Пора с этим завязывать. Пора...

Захожу в просторный зал ресторана, оглядывая окружение. Доронина среди них нет.

– Чемпион! Выпей с нами, – на плечо падает чья-то рука.

Неменяющаяся картинка. Хамство. Вседозволенность. Бестактность. Родина. Оборачиваюсь.

– Не сегодня.

– Да ты чё?! Мы за тебя тут всей страной.

Дальше начинается исконно русская шарманка, по нака-
танной прям мелет. Короче, дабы сэкономить собственное
время, проще выпить с ними эту с*аную стопку.

– За знакомство, – выдыхаю и залпом выпиваю водки у их столика.

Лучше бы не соглашался и не пил. Глюки? Мне окончательно отбили мозги? Ставлю стопку, а сам не свожу глаз со входа. Несколько раз пытаюсь тряхнуть головой, чтобы избавиться от этого дурмана, но тщетно.

Гера.

Не может быть...

Сглатываю, не в силах отвести от неё взгляд. Красивая, невероятная. Моя. Смотрю на обтягивающее её фигуру чёрное платье, открытые плечи, изящные ключицы, и меня окончательно несёт.

Всё это кажется бредом. Сном. Но я вижу то, что вижу. Это действительно она. Счастливая. Улыбается. Что-то говорит своему ублюдку, который держит её под локоть. Смеётся.

Ненавижу. За это готов перегрызть ей глотку. За её ложь, за её лицемерие. Буря гнева уже заполонила глаза, медленно поглощая моё существо, но я словно статуя. Смотрю на этот спектакль одной актрисы с диким желанием убить, или же украсть. Оставить себе. И плевать на всё. Всех.

За это, за свою слабость к ней, я ненавижу её больше всего. За то, что не могу разлюбить, забыть. Она мне снится. Её глаза, голос, запах. Я живу только воспоминаниями, а она просто забыла. Выбросила, растоптала.

Отворачиваюсь и, взяв из бара бутылку, поднимаюсь на

второй этаж. К стеклянному балкону, оттуда прекрасно виден стол, за который они сели. Я чёртов мазохист, но мне плевать. Я, с*ка, чемпион, и я заслужил подарок. Я заслужил хотя бы посмотреть на неё издалека.

Они не вдвоём, и это разряжает атмосферу.

Мою точно. Там, конечно же, её папаша, эта его побл*душка-женушка и ещё какая-то парочка, которую я не знаю.

За час их посиделок я успеваю упиться почти в хлам. Такое мерзкое состояние, когда злость тает, заменяя себя дикой потребностью. Потребностью к ней прикоснуться.

Умка поднимается из-за стола и чешет в сторону холла. Делаю пару глотков из горла и, накинув на башку капюшон, прохожу через зал за ней.

Она идёт в конец коридора. Я чувствую её напряжение. Стук ее каблуков отдаётся в моих ушах. Гера заворачивает за угол, и у меня окончательно сносит крышу. Хватаю её за плечи, прижимая к себе, и чувствую, как её кожа обжигает мои пальцы. Вдыхаю и, как последний наркоша, улетаю в дикую нирвану. Гера не сопротивляется. Но мне некогда думать, я не думаю об этом, потому что вижу какую-то дверь и заталкиваю её внутрь, защёлкивая замок изнутри.

Разворачиваю к себе и больше не чувствую эту щемящую душу боль. Нет. Смотрю в её глаза и вижу, как в них отражается ярость моих. Слепая, непокорная ярость.

Умка протягивает ладонь, касаясь моего лица, а меня пе-

рекашивает от злости. Тошнит от её предательских, лживых прикосновений. Я им не верю. Они искрятся ложным обожанием, раскаянием. Но я не верю. Мне плевать на эти касания, чувства. Мне нужно её тело. Только оно. Да.

С пониманием, что делаю ей больно, зажимаю её запястье пальцами, не отводя взгляда. Глаза в глаза. Хочу, чтобы видела, чувствовала. Всё.

Убираю её руку от моего лица, в после подношу вновь, вдыхая её запах. Её невероятный, заставляющий слететь с катушек запах. Притягиваю ее к себе, закидывая ногу на своё бедро. Разрез на шикарном платье трещит по швам, но мне плевать. Меня не остановить, впрочем, она и не пытается.

– Я тебя ненавижу, терпеть не могу!

– Я знаю, мой хороший, знаю.

Эти слова убивают и возрождают одновременно.

Глава 4

Герда.

Ставлю Теину сумку с игрушками на диван, невольно бросая взгляд на столик с целой кучей лекарств. Рука сама тянется к этим коробочкам. Успокоительное, снотворное ещё и ещё...

В кухне слышится Тейкин смех. Возвращаю всё на место и иду на голоса. Мама держит малышку на руках, что-то шепчет ей на ушко. Улыбаюсь от этой картины. Но и печалюсь одновременно...

Я знаю, как тяжело моей матери. Она так и не смогла окончательно оправиться от развода с отцом. Она до сих пор его любит, а я просто не понимаю, за что можно любить этого человека... не понимаю.

– Герда, – поднимает на меня взгляд, – ты чего, доченька?

– Всё хорошо, мам, – сажусь напротив, – ты опять пьёшь снотворное?

– Не могу уснуть.

– У тебя же сердце... нельзя так. Это же опасно...

– Не беспокойся за меня, у меня всё хорошо, – робко улыбается, ставя Тею на пол. – Останетесь сегодня?

– Я нет, но Тейку у тебя оставлю.

– Правда? Если они узнают... ты же сама понимаешь, я не здорова.

– Это всё ерунда. Я в это не верю. Ты нормальная, а они просто хотят сделать из тебя такую, о которой твердят. Слышишь? – всхлипываю.

Для меня это очень болезненная тема. До ужаса. Я столько лет ненавидела свою мать, что, когда поняла, насколько она слаба и несчастна, хотелось биться головой о стену. Как? Как я, родная дочь, могла этого не замечать? Он же издевался над ней, всю её жизнь... унижал, втоптывал в грязь, ненавидел. Он делал с ней то же, что сейчас Назаров делает со мной. А я жила с ней в одном доме и ничего не замечала. Он такой же больной садист, как Гриша. Только с одним исключением – все его пытки моральные. Он не поднимал на неё руку, в отличие от...

– Ты такая хорошая мать. Не то что я... если бы у меня только было столько силы духа, как у тебя, всё бы было по-другому... абсолютно всё.

Вздрагиваю. Мы почти не касаемся этой темы. Потому что виновны в этом все. Я, отец, она...

Мама не смогла уйти от него сама, и он выбросил её, как собачонку. Ему нравилась её болезненная любовь ровно до тех пор, пока в его мозгу что-то не перещёлкнуло и он не нашёл Дашку. С ней он себя так не ведёт... и это странно. Я не за то, чтобы она испытала это на себе, просто я не знаю, чего от него ещё ожидать.

Мама страдала по отцу. Любила его. Смирялась со всем и, наверное, делала бы это до сих пор. Она слаба. Впрочем, как

и я. Я ничего не могу и не могла сделать. Меня вынудили и закрыли в золотой увешанной жучками клетке.

Тогда я боялась навредить любимым людям, даже своему отцу... хотя сейчас жалею об этом. Очень. Но в любом случае беды было не миновать. Лукьян, который вроде как партнер Назарова, очень страшный человек. Он слишком высокопоставлен, чтобы с ним бороться. Возможно, я бы смогла что-то сделать с Назаровым, не будь всё так охвачено. Гриша творит что хочет и наслаждается своим беспределом. Он просто прихлопнет меня, а потом всех, кто мне дорог. Избавится.

Я не раз слышала эти крики в подвале загородного дома. Они мне снились. Я видела, как ночью оттуда вытаскивали чёрные мешки, мельком видела этого Лукьяна, встретить его на улице, я бы, наверное, его даже не узнала. Ни имени, ни фамилии, ничего. Человек вроде есть, а вроде его и нет. Призрак с выдуманным именем.

Я не могу так рисковать. Не могу ради ребенка, ради мамы, ради себя, в конце концов. Я не хочу, чтобы кто-то из нас оказался в этом чёртовом чёрном пакете.

– Не говори ерунды, мам. Всё хорошо. Так что? Приютишь Теону у себя сегодня? Не хочу оставлять её с этой нянькой, она мне не нравится. Её Гриша притащил.

– Конечно. Только... ты не сделаешь хуже?

– Нет.

Встаю, поднимая Тею на ручки.

– Завтра к обеду я её заберу. Мы едем в какой-то новый гольф-клуб. Там...

Мама включает телевизор, а меня парализует. Смотрю на это когда-то родное лицо, и сердце замирает. Шелест. Красивый, холёный, но всё такой же дерзкий и милый. Он даёт какое-то интервью для спортивного канала.

Мама тянется за пультом. Я знаю, что она хочет сделать.

– Стой, – повышаю голос, – не надо.

Смотрю на экран, а по щекам льются слезы. Я стараюсь ничего о нём не читать и не просматривать. Стараюсь ограждать себя от любой информации о нём. Потому что это больно. Так больно видеть его там. В другой жизни. В нормальной жизни.

– Герда...

– Всё хорошо, – вытираю слезы.

Тея начинает капризничать. Нервничать. Прижимаю ее крепче и выхожу из кухни.

В восемь я поправляю завитый локон упавший на лицо, и, забрав у администратора карту, покидаю салон красоты. На парковке касаюсь пальцами тонкой бретельки своего нового чёрного платья с разрезом почти по всей правой ноге от Валентино и, как можно выше задрав голову, иду к ждущему меня автомобилю.

Пока иду, морально стараюсь отстраниться от всего, как в школе. Стать холодной, избалованной и не живой.

Гриша присоединяется ко мне на полпути. Машина тормозит где-то посреди дороги, уже за городом.

– Прекрасно выглядишь, – пробегает глазами по моему декольте и разрезу на юбке, – шикарно, – его губы касаются моей шеи.

От него ужасно пахнет. Я ненавижу этот запах, эти духи. Его ненавижу. Сжимаю помаду в кулаке, прикрывая глаза.

В этом дурацком ресторане полно народу. Все такие счастливые, даже тошнит. На входе к нам присоединяются отец и Дашка. Гриша обнимает меня и доводит так почти до самого стола. Отодвигает стул и, когда я сажусь, касается ладонями моих плеч. У него холодные руки. Очень холодные. Он стискивает ими мою покрывшуюся мурашками кожу, а мне кажется, ещё немного – и у меня начнут хрустеть кости.

Официант подает меню, и Назаров садится на соседний стул. Внимательно вчитываюсь в меню и не могу избавиться от мысли, что кто-то смотрит мне в спину. Делаю заказ и как можно менее подозрительно оглядываю зал, оборачиваясь назад. Никого. Странно, но я была уверена, что кто-то смотрит. И сейчас это чувствую. Этот взгляд. Но в зале никого нет.

Немного задираю голову, но единственный стол, который видно отсюда, пуст.

Кажется, я начинаю сходить с ума. Неужели это мания

преследования? Не знаю. Каждая минута здесь тянется адски медленно.

Дашка что-то рассказывает, я улыбаюсь. Улыбаюсь заученной, вышколенной улыбкой, чтобы Гриша не смотрел на меня косо. Пока я тяну свой бокал с вином, Назаров упивается в хлам. Они с отцом что-то обсуждают. Громко и вычурно смеются, за что мне становится неловко перед людьми вокруг. Конечно, визуально моих переживаний не заметит никто, но внутри мне мерзко и стыдно. Очень стыдно за всё это.

Поднимаюсь и, гордо выпрямив спину, иду в туалет. Мне нужно немного передохнуть. Всего пару минут. С милой улыбкой миную такого дружелюбного и улыбчивого хоста и, как только оказываюсь в длинном и достаточно узком коридоре, ускоряю шаг. Выдыхаю.

Слышу, как стучат мои каблуки, а ещё теперь мне кажется, что кто-то не просто смотрит, а идёт следом.

Оглядываюсь, и сердце замирает. Шелест. Не верю. Ускоряю шаг, чувствуя, что он позади. Заворачиваю за угол и вздрагиваю. Его руки резким грубым движением прижимают меня к себе. Он без слов и моих сопротивлений толкает в какое-то помещение, в ушах гул, слышу только звук дверной защёлки.

Богдан поворачивает меня к себе лицом, немного развязно толкая к стене. Прилипаю к ней спиной и не могу отвести от него глаз. В этом помещении горит тусклый свет, и я вижу

скорее заострённые черты, нежели лицо в целом.

Протягиваю руку в непреодолимом желании коснуться его щеки. Пальцы замирают на смуглой коже. Шелест морщится, а меня прошибает током.

Улыбаюсь. Из глаз выступают слёзы, до боли закусываю губы.

Шелест молча убирает мою руку, с силой сдавливая запястье. Подносит к своему лицу, вдыхает.

Этот жест словно спусковой крючок. Мир трещит по швам. Богдан наступает, рывком закидывает на себя мою ногу. Я слышу едкий треск платья, но мне плевать.

Чувствую запах виски. Он пьян. Он пьян и здесь только поэтому. Обнимаю за плечи, глажу его волосы, не могу им надышаться. Просто не в силах.

– Я тебя ненавижу, терпеть не могу.

– Я знаю, мой хороший, знаю.

Прижимаюсь к нему всё сильнее. Господи, как я этого хотела. Просто дотронуться, увидеть. Больше жизни.

Богдан. Мой любимый. Главное, не сказать это вслух.

Шелест проворно подхватывает меня, заставляя обвить ногами его корпус. Его пальцы скользят по шее, декольте. Он тяжело дышит, упираясь своим лбом в мой.

– Дрянь, какая ты, Гольштейн, с*ка, – сжимает мой подбородок впиваясь в мои губы. Его пальцы уже покоятся на моей щеке, а язык проникает всё глубже. Схожу с ума от этой близости. Меня трясёт от его прикосновений, его ярости. Я

знаю, что он зол, знаю, что ненавидит, знаю, что будет жалеть об этом завтра, но ничего не могу с собой поделать.

Расстёгиваю дрожащими пальцами его кофту. Ладони в хаосе трогают его твёрдую грудь.

Богдан без церемоний расстёгивает ремень на джинсах и резким движением задирает моё платье. Нагло тянет за резиночку стрингов, и всё, что я могу, – издать стон.

Шелест усмехается, проникая пальцами внутрь. Несколько грубых, глубоких движений, а у меня сносит крышу.

– Мокрая, просто по щёлчку, для меня.

Мне плевать, как он это говорит. Плевать, что, возможно, хочет задеть. На всё плевать. Я хочу лишь одного – почувствовать его в себе. До одури.

А он, как и всегда, читает мои мысли. Подхватывает под коленом, разводя мои ноги шире, и входит на всю длину. Его грубость возбуждает ещё больше.

Меня потряхивает, и я не понимаю, что происходит вокруг. С силой вцепляюсь в его плечи, отвечая на поцелуи, двигаюсь ему навстречу.

Это агония. Сумасшествие. Я утопаю в этой страсти, ненависти к себе, слезах и диком блаженстве.

Его запах, прикосновения...

Окончательно отпускаю себя, поддаваясь его напору. Умоляю не останавливаться, стоны становятся громче, и нас могут слышать, но мне нет до этого дела. Нет. Всхлипывая от накрывающей волны экстаза, обессилено падаю в его объ-

ятия.

Но он не настроен иметь со мной больше ничего общего. Шелест отстраняется, с силой сжимая мои плечи. Смотрю в его глаза и не вижу там ничего. Пусто. Все выжжено дотла. Он ненавидит меня, презирает...

Касаюсь ладонями холодной стены, а после приваливаюсь к ней всем телом. Между нами по-прежнему мало воздуха. Мы задыхаемся от этой близости.

Тянусь к нему, но он отрицательно качает головой. Медленно. С горячей в глазах злобой.

Опускаю руку, поджимая губы. Выдавливаю истеричную улыбку и хочу удавиться. Хочу ему всё рассказать. Очень хочу. Но не могу. Какой в этом теперь смысл? Это его погубит. А Гриша никогда меня не отпустит. От него убежать либо на тот свет, либо когда-нибудь ему самому всё это надоест, и, возможно, он меня выкинет.

Всхлипываю, изо всех сил стараясь сдержать подступающие слёзы. Но резкий звук застёгивающейся ширинки отрезвляет.

Чувствую себя разбитой окончательно. Знаю, что он сейчас уйдёт. Уйдёт и забудет обо всём этом, как о маленьком недоразумении. Пьяной выходке.

Он уйдёт, а я ничего не смогу сделать. Ничего...

– Прости меня, – не поднимаю глаз, – прости, – шепчу, впиваясь ногтями в своё запястье, – я...

– Гера, мне пох*й, – ухмыляется.

Смотрю на его губы и давлюсь собственной слабостью. Никчёмностью. Он может жить дальше, а я нет...

– Всё, что было между нами, ничего не значит. Никогда не значило. Да ты сама это знаешь.

Поднимаю глаза, отчетливо понимая, что каждое сказанное им слово тщательно подобрано, чтобы унижить меня.

– Прости, у меня сегодня ещё много дел.

Слышу, как он поворачивает ручку двери, и ничего не могу сказать.

Шелест уходит. Словно его и вовсе здесь не было.

В голове ужас. Я боюсь туда идти. Боюсь ехать домой. Мне страшно, если Гриша узнает... хотя нет, я боюсь не этого. Я привыкла к боли, привыкла к унижениям. Я боюсь лишь одного – понять, что всё, что сегодня произошло... этого больше никогда не будет. Не будет Богдана, прошлого, всё, что было, уходит в небытие. Я словно живу сквозь текущее вокруг меня время. Не здесь и сейчас. Не сегодня, не завтра. Меня нет. Меня давно уже нет.

Когда возвращаюсь в зал, то губы немеют. Пальцы холодеют, а сердце покрывается коркой льда. Шелест сидит в центре зала с какой-то девкой. Улыбается. Она что-то мило ему рассказывает, а он слушает её с таким видом, словно это самая интересная вещь в мире.

Он не смотрит в мою сторону, даже не подает вида, что вообще меня заметил. Сглатываю и, прикрыв ладонью надорванный разрез платья, сажусь за свой стол.

Дашка хмурится. Она явно узнала Богдана, да и как его не узнать?

– Я надеюсь...

Я молчу. Складываю ладони перед собой и молчу. Кстати, отца и Гриши за столом нет.

– Хорошо, что Гриша пьян, и Броня увел его играть в бильярд. Иначе мне страшно подумать, что б он с тобой сделал. Ты вообще думаешь, что творишь? – она начинает повышать голос.

– Это не твоё дело. Поняла? – шиплю, убивая её глазами.

Я чувствую, как немного подавленная вперёд Дашка резко отстраняется, прижимая пятую точку к стулу. Её лицо меняется, на нём яркой краской прописывается недовольство. Она хмыкает и отворачивается. Мне же всё равно. Сегодня. Я так устала от всего этого театра. Устала от нравоучений... не могу так больше. Не могу...

Барабаню пальцами по столу, но, как только Назаров появляется поблизости, волосы на моей голове встают дыбом. Я чувствую его присутствие всем существом. Хочется спрятаться. Убежать.

Подпираю подбородок кулаком и, лениво зевнув, смотрю на Гришу. Он не должен ничего заподозрить.

– Мы останемся здесь.

Киваю. Он внимательно рассматривает меня, и на его лице медленно вырисовывается улыбка. Сглатываю.

Глава 5

Богдан.

Боль. Голова рвётся на части. Я еле разлепляю веки и хочу сдохнуть.

Закрываю глаза и чувствую её прикосновения. Они не настоящие. Они лишь в моей голове, но сегодня я хочу их чувствовать. Хочу смотреть на её лицо, на пухлые губы, слышать её голос. Вдыхать её запах.

Вчера у меня снесло планку. Я сделал то, от чего шараялся столько лет. А когда увидел, всё самообладание и контроль полетели к чертям. Гера. Моя пугливая Умка. Она же что-то хотела объяснить, сказать... но я, как полный идиот, не стал её слушать. Я видел в её глазах то же самое, что отражается в моих. Видел.

Я должен ещё раз её увидеть. Должен выяснить всё раз и навсегда, иначе какой смысл? Точка ещё не поставлена, по крайней мере для меня.

Принимаю ледяной душ и звоню Доронину. Мне нужно узнать её номер. Не хочу делать это через своих людей. А вот начальник службы охраны, которая везде по пятам таскается за Данилкой, будет сейчас как никогда кстати.

Через полчаса спускаюсь на улицу, а перед тем как выйти, натягиваю кепку, капюшон и очки. Сейчас мне ни к чему, если меня кто-то узнает.

На дорогах, как и всегда, пробки, спускаюсь в метро.

В Старбаксе сажусь за самый дальний столик и набираю Геру. Долгие гудки. Они раздражают. Делаю глоток американо, слыша её голос.

– Да.

– Нужно поговорить.

Не представляюсь, не говорю ничего лишнего, я и так знаю, что она поймет, кто это. Просто по голосу.

– Где?

– В Старбаксе, недалеко от моего старого зала. Помнишь, где это?

– Помню.

А голос холодный. Безразличный. Вчера мне казалось... возможно, мне всё же казалось.

– Часа хватит?

– Вполне.

Скидывает. Весь этот час я залипаю в телефоне. Туплю в инстаграме, и отклоняю все входящие. Окс звонила раз пять, уверен, что это рекламщики. Она что-то об этом вчера говорила. Но мне плевать. Если я им так нужен, подождут.

Я сразу чувствую её, стоит ей только появиться в дверях.

Красивая. В узких тёмно-синих джинсах с завышенной талией и каком-то стальном бомбере. Такая простая, домашняя, но в то же время невероятно сексуальная. Отодвигаю от себя третий стаканчик, закидывая ногу на ногу.

Гера проходит мимо сидящих за столиками и присажива-

ется напротив меня. Как-то взволнованно поправляет светло-коричневые локоны, а потом широко улыбается, обнажая белые зубы. С красной помадой они кажутся ещё белее.

– Привет, кофе угостишь?

– Без проблем, – толкаю в её сторону свой стакан.

– Какой ты щедрый, Шелест, – усмехается, – зачем позвал?

– Поговорить.

– О чём?

– О том, что произошло вчера.

– А разве что-то произошло? Нам обоим всё равно, ты же всегда это знал, нет?

– Точно.

Непроизвольно сжимаю руки в кулаки.

– Тогда о чём речь?

– Ты вчера хотела мне что-то сказать?

– Тебе показалась, к тому же я была немного пьяна. Кому, как не тебе, знать, как на меня действует алкоголь.

– Странно это всё, не находишь? Что-то не сходится. У меня что-то не сходится. Любимый муж, ребёнок – и вдруг секс в подсобке?!

– Захотелось приключений. К тому же мы с мужем поссорились. Но уже всё в порядке. Не переживай.

Врёт зараза. Как дышит, врёт.

– Зачем ты тогда ушла? Ты его не любишь, Гольштейн, я же вижу.

– Богдан. Что есть любовь? Пустой звук, у нас с тобой вот была, а вот не стало. Грустно.

– Хватит нести эту чушь.

– Не кричи. Люди вокруг.

– Мне плевать.

– А мне нет, – говорит спокойно, словно обсуждает, что подаст на обед, – Гриша не идеальный муж, но мне с ним хорошо.

– Дело в деньгах? У меня больше, возвращайся, – несую какой-то бред. Хочу её задеть, увидеть живые эмоции, хоть что-то.

– А разве дело в деньгах? Я такого не говорила. Совсем.

– Гольштейн, тебя купили, как последнюю шлюху, а ты сейчас сидишь здесь передо мной и строишь из себя ангелочка. Одежка не жмет?

– И не по тебе. Я думаю, у тебя есть та, кто будет заглядывать в твой рот. Или брать что-то в свой. Извини, но меня на улице ждёт муж.

После этих слов я совершенно перестаю понимать происходящее. Она серьёзно? Что за...?

– Муж?

– Да. Он не знает, что вчера было... и думает, что мы остались в дружеских отношениях с тобой. Поэтому предложил подвезти. Я знала, что это ненадолго, вот и попросила подождать снаружи. Со мной он идти отказался.

– Свали, Гера.

Она вытягивает шею, прищуривается.

– Вон пошла.

– Я тебя чем-то расстроила? Богдан, пойми уже наконец, у меня любящий муж, ребёнок. Я ни в чём не нуждаюсь, мне никто не выносит мозг, не игнорирует... мне хорошо. Я не хочу возвращаться в прошлое. И знаешь, после вчерашнего я убедилась в этом окончательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.